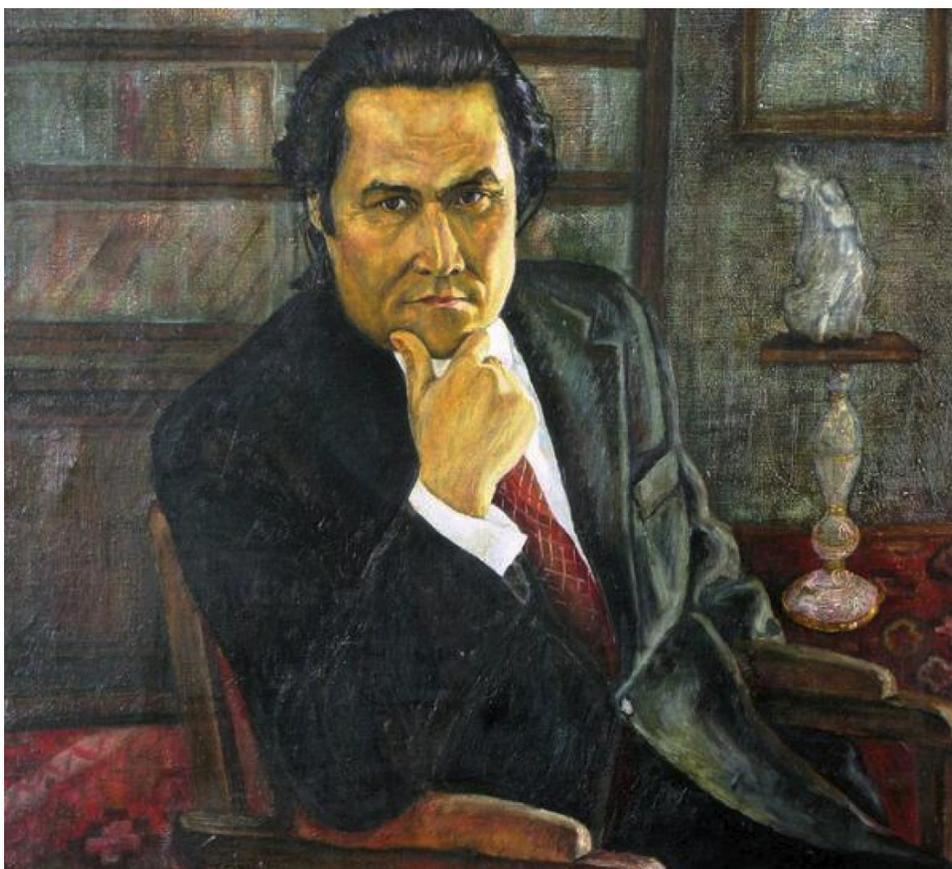

НЕ ТРЕБУЯ ВЕНЦА

К 85-ЛЕТИЮ МУКАГАЛИ МАКАТАЕВА

Уже, кажется, утихли споры, считать или не считать Мукагали Макатаева великим поэтом казахского народа. А было время, и не такое уж далекое, когда коллеги переходили на другую сторону улицы, чтобы не встретиться с ним, дружно осудили его за «неблаговидное» поведение и исключили из рядов Союза писателей. Тончайший лирик, глубокий философ, талантливейший переводчик мировой поэзии умер в одиночестве, одолеваемый тяжелой болезнью, без поддержки товарищей по цеху, отвергнутый близкими. А теперь те, кто хулил поэта, славословят его пуще всех.

Многие склонны на все лады говорить сегодня о феномене Макатаева, об уникальности этого явления в истории отечественной культуры. И это у степняков, где каждый пятый по натуре своей поэт? Но, по большому счету, мало кто так выразил душу народа, за исключением, может быть, Абая, как это сделал Мукагали Макатаев. Ее широту и совмещение с этим обыденности, скромность запросов и дерзновенность замыслов, открытость и простоту, тягу к справедливости, к познанию мира и порою забавное детское простодушие (в одном из стихотворений Мукагали так и обращается к соотечественникам: «О, мой народ – ребенок!»). Мукагали для казахов то же, что Есенин для русских, Бёрнс для шотландцев, Басё – для японцев,

Петёфи – для венгров. Всякое сравнение хромает, говорит пословица. Не все согласятся с приведенным рядом. Но то, что Макатаев любим народом – это непреложно. И не только за его замечательную, устремленную в века и пространства поэзию, но и отчасти – за свою драматическую судьбу.

Он родился 9 февраля 1931 года в селе Карасаз Нарынкольского (ныне Раимбекского) района Алматинской области, среди прекрасной заповедной природы, в объятиях величественных Тянь-Шаньских гор.

«Пой обо мне» – словно просила темная вода,

«Пой обо мне» – словно просил густой камыш.

Детство было поначалу безоблачным. «Мы были босоногими детьми, когда гоняли коз, Когда кидали в окна камешки». Но возмужание пришло быстро. Десятилетним ребенком он встретил войну, отец, председатель колхоза, погиб на фронте, и в доме, где остались одни женщины и дети, такие отроки, как Мукагали, приняли на свои неокрепшие плечи весь груз забот взрослых мужчин.

«Уже в двенадцать лет мы все могли стоять у станков на заводе, если надо,

водить обозы, защищать от обнаглевших волчьих стай овчарни аула. Нам порою так хотелось спать, и так хотелось ощутить прохладное прикосновение к телу свежей, чистой ситцевой рубашки, но времени для сна не хватало, а белый ситец заменяла баранья шкура, выделанная и выскобленная руками бабушек», – писал о судьбе Макатаева и детях военного времени его друг и собрат по перу, сверстник Ануар Алимжанов. А вот как отразил сам Мукагали эхо своего полуголодного и многотрудного детства, пронесенное им через всю жизнь.

Мы сироты.

Одни на свете.

Мы – не взрослые и не дети.

Нам не страшно.

И нам не больно.

Шар земной

Будто мяч футбольный.

Не ругайте нас, одичалых,

Нас, к любимому делу пригодных,

Нас, отчаявшихся, печальных,

Нас, бессребреников голодных.

Равнодушье преодолейте,

Нашей болью переболейте.

Нам обиду не наносите,

Жалких слез над нами не лейте.

Школа войны, лихолетий пригодилась Мукагали, где бы он потом ни работал после окончания сельской школы – секретарем аулсовета, заведующим «красной юртой», литературным сотрудником в районной газете, диктором Казахского радио, заведующим отделом в газетах «Социалистик Қазақстан», «Қазақ әдебиеті», жур-

налах «Мәдениет және тұрмыс», «Жұлдыз», литературным консультантом в Союзе писателей. В отличие от большинства успешных сверстников, он не сделал ни административную, ни даже писательскую карьеру. Характер не позволил, да и неистовая поэтическая натура требовала иного.

При жизни вышло всего четыре книги Мукагали – «Ласточка, ты прилетела», «Мавр», «Дарига» и «Когда спят лебеди». Последние две появились с большим скрипом, официальная позиция в отношении поэта, да и цеховое «общественное мнение» были не в пользу своенравного автора, который не только письменно, но и изустно выдавал правду, которая колола глаза.

Он много создал, но первая его книга увидела свет, когда ему было тридцать три. За двенадцать оставшихся лет он написал столько, что теперь не умещается в вышедший через шесть лет после его кончины двухтомник «Биение сердца». А ведь были еще замечательные переводы «Листьев травы» Уолта Уитмена, «Божественной комедии» Данте, «Сонетов» Шекспира, стихотворений Пушкина, Некрасова, Блока. Остались еще неизданными дневники поэта, где в одной из последних записей сказано: «Дорогие товарищи мои! Если вы действительно

намерены исследовать мою биографию, мое творчество, то не забудьте прочесть все, что написано мною, где через свое «Я», не утаивая, в стихах вел я летопись своей жизни».

Время для такого исследования наступило. Ныне бодрые литературоведы пишут и публикуют статьи о Макатаеве, защищают диссертации, появилось немало переводов его произведений на другие языки, в первую очередь – на русский. А при жизни таковых поэт не увидел, хотя всегда ориентировался на великие образцы русской литературы (даже учился, уже ближе к концу жизни, на высших литературных курсах в Институте имени Горького). При этом

он всегда оставался глубоко самобытным национальным поэтом, вобравшим в свою творческую лабораторию все лучшее из достижений литературы мировой.

Особенно ярко это проявилось при переложении им на казахский язык уже упоминавшейся жемчужины изящной словесности, принадлежащей всему человечеству – «Божественной комедии» Данте.

Полеты духа происходили на фоне тяжелой материальной жизни поэта, неустроенности быта, непонимания и даже отчуждения окружающих, начавших одолевать его недугов. В своем дневнике он записал: «После всяких потрясений, и моральных, и материальных, оказался в больнице. Больница мне помогла. После долгой разлуки мы встретились с Поэзией, как влюбленные. Видать, соскучились друг без друга. В течение двух месяцев... написано около четырех тысяч стихотворных строк. Работал по совести, не думая, возьмется ли кто-нибудь опубликовать их».

Как тут не вспомнить Пушкина периода его Болдинского заточения! А еще напрашиваются параллели с Николаем Рубцовым, признанным ныне великим русским поэтом, а при жизни – неприкаянным, необузданным, непредсказуемым, чья судьба еще более трагична, чем у Мукагали. Можно привести аналогию и с Шамши Калдаяковым, композитором, гонимым при жизни, а после смерти ставшим не только любимцем народа, но и в какой-то степени знаменем официоза (редкий случай, когда эти два разнона-

Семья Мукагали Макатаева

правленных потока перекрещиваются и в чем-то ладят друг с другом).

В стихотворении «Еще каких-то двадцать лет», написанном в канун сорокалетия, поэт просит у судьбы такой или хотя бы десятилетней отсрочки для исполнения своих творческих замыслов. Оставалось же, оказывается, всего пять лет, самых тяжелых, самых мучительных в его жизни.

Но именно в этот период он создал вещи, которые стали квинтэссенцией его любви к родине, к людям, ко всему прекрасному на свете, его раздумий и тревог по поводу сгущающихся над миром грозных туч разлада, отчуждения, непонимания друг друга между черствеющими душой особями, мнящими себя пупами Земли.

Мукагали Макаатаев предрекал появление в будущем подлинно великого поэта, чье Слово поведет за собой людей, объединит их. Он предрекал, не думая, что этим обижает кое-кого из успешных современников, не только метивших в великие, но и приложивших немало усилий, чтобы протиснуться в круг парнасцев и снискавших посредством дешевых приемов громкую славу (теперь это называется пиаром). А Мукагали не заботился о продвижении своего имени, не обивал пороги издательств, не обрабатывал именитых московских переводчиков, вел себя независимо с вождями Союза писателей,

изгоем из которого стал как раз за то, что резал правду-матку. Иногда, резкие оценки он делал, когда был под шофе... Однако то, что прощалось Есенину, не прощалось Макаатаеву.

Сегодня непосвященному может показаться, что Мукагали – чуть ли не баловень судьбы. Памятники, улицы его имени, поэтические праздники, посвящаемые ему, песни на его тексты, полюбившиеся народу, издания его произведений и переводов, число которых с годами все растет... Возвращаясь к разговору о том, что именно он, Мукагали, признан великим национальным поэтом, важно отметить, что это величие видно невооруженным глазом. В отличие от стиля некоторых именитых коллег, которые, по меткому выражению из «Горя от ума» Грибоедова, «словечка в простоте не скажут, все с ужимкой»,

слог Макаатаева по-абаевски, по-пушкински прост, точен, глубок, несет в себе огромную смысловую и эмоциональную нагрузку и одновременно – берет за душу.

Это и есть свойство великих поэтов, творивших в разное время и у разных народов, а в итоге внесших бесценный вклад в духовную сокровищницу человечества...

«Каждый пишет как он дышит», сказал о собратях Булат Окуджава. Именно так творил Мукагали Макаатаев. Он не требовал венца, не жаждал легкого признания. Оно пришло к нему многие годы спустя после его безвременной кончины. Жаль, что не при жизни. Но так обычно происходит с неординарными личностями, которые не вмещаются в рамки своего времени и которых не сразу могут разглядеть эпоха и люди, обывающие в ней. Большое видится на расстоянии.

Георгий ОЛЕНИН

Концерт памяти Мукагали Макаатаева в Астане

АННОТАЦИЯ ○

Кеш мойындалған қазақ халқының ұлы ақыны Мұқағали Мақатаевтың мерей тойына арналған мақалада терең ойлы лирик, философ, әлемдік поэзияның талантты аудармашысының қиын тағдыры жайында айтылып, адамзаттың рухани мұрасына өлшеусіз үлес қосқан оның қайталанбас стиліне, қоршаған әлемді түйсінугіне талдау жасалады.